

Костылев Павел Николаевич

САКРАЛЬНОЕ В ИСЛАМЕ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕРМИНА «САКИНА» (SAKĪNAH)

Pavel Kostylev

SACRED IN ISLAM: INTERPRETING SAKĪNAH

The main goal in the article was to review the concept of "sakīnah" in Koran, Sunnah and at-Tabari's "History of prophets and kings". The author states that "Sakīnah" could be understood as believer's inner quality (calmness) and at the same time as the result of the Allah's external influence and also draws attention to some contexts the notion of "sakīnah" used in Islamic literature (cloud, basin, snake, cat).

Введение

Понятие «сакрального» (или, иначе говоря, «священного»¹) традиционно ускользает от академического определения, и в этом смысле претензия на определение «священного» имеет ровно столько же смысла, сколько и претензия на определение «религии»². Тем не менее, религиоведение, в существенной части своих изводов и вариаций, с завидной регулярностью возвращается к использованию этих терминов. В любом случае, «сакральное», на наш взгляд, имеет право быть использовано в языке религиоведения, в том числе потому,

¹ В рамках статьи автор предпочитает не вовлекать читателя в спор о возможном различении этих понятий.

² Под «религией» здесь и далее мы понимаем категорию (или понятие), интегрирующую, в той или иной степени и с большим или меньшим успехом, комплекс реальных процессов, связей и отношений; т.е., между «религией» и предполагаемо существующим ее реальным денотатом (религией) есть существенная разница.

что присутствует в языках предметности, к изучению которой обращено религиоведение — независимо от того, именуем мы эту предметность «религией», «религиозным» или как-то иначе.

В рамках предлагаемого подхода «сакральное» — не онтологическая категория, отображающая какие-либо реальные процессы, связи и отношения, но своего рода маркер, указывающий на специфически религиозное содержание, не смешиваемое в языках «религии» с универсумом внерелигиозных или нерелигиозных смыслов. Выражаясь иначе, для нас «сакральное» — это такое «религиозное», которое в рамках того, что обычно именуется религиозной традицией, не транспонируется в рядоположенную или противоположную по отношению к «религиозному» систему категорий: «религиозное» может быть «мирским», но «сакральное» — никогда. В рамках авраамических религиозных традиций «сакральное» не совпадает с «божественным», но в той или иной степени исходит от него или же соотносится с ним.

На наш взгляд, исследование сакральных образов и представлений в любой религиозной традиции имеет смысл начинать с анализа языка религиозной традиции, источником которого является священный текст религиозной традиции — мы говорим о тех конкретных понятиях и терминах, которые отображают это специфически религиозное или, в нашей терминологии, «сакральное». Интересно, что еще сто лет назад, говоря об исламе, Рудольф Отто отмечал: «Своеобразие ислама заключается именно в том, что рациональная, в особенности этическая сторона здесь не имеет столь прочной и отчетливой формы, как, например, в иудаизме и в христианстве. В Аллахе явно преобладает нуминозное. <...> ...нуминозно-иррациональное в исламе столь сильно перевешивает

рациональное, что, в сравнении с христианством, нуминозное не умеряется и не схематизируется здесь рациональным (в данном случае – этическим)»¹.

Оставляя в стороне представление Р. Отто о преимущественной иррациональности ислама² и неотчетливости его этической составляющей, следует отметить, что в арабском языке Корана есть корни, которые вполне доступны для интерпретации в контексте соотнесения с «сакральным»: это, прежде всего, *q-d-s* (*quds*, «чистота, святость»³), *r-w-h* (*rūḥ*, «дух»⁴) и *s-k-n* (*sakīnah*, «спокойствие, успокоение, присутствие Божие»⁵). *Сакина* (*sakīnah*) – наименее проясненное из трех

¹ Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Пер. с нем. яз. А.М. Руткевич. СПб.: АНО «Изд-во С.-Петербур. ун-та», 2008. С. 147.

² Интересно, что представление Р. Отто об иррациональном характере ислама не является общим местом даже в раннем исламоведении – так, почти за сто лет до «Священного» Фридрих Толлок в работе *Sufismus sive Theologia persarum pantheistica* («Суфизм, или пантеистическая теология персов», 1821) писал о рационализирующем («понятийном») деизме Мухаммада. См.: Золотухин В.В. Суфизм как пантеизм. Взгляд из Германии первой трети XIX века // Религиоведческие исследования. 2016. №1 (14). С. 14–15.

³ Гиргас В.Ф. Арабско-русский словарь к Корану и хадисам. М.; СПб.: Диля, 2006. С. 644. Этот корень встречается в Коране десять раз, см.: Kassis Н.Е. A concordance of the Qur'an. Berkeley and Los Angeles, 1983. P. 898.

⁴ Сам по себе корень *r-w-h* имеет несколько значений – быть ветреным, прохладным, приятным (о дне); находиться, что-либо делать или путешествовать вечером; обонять; успокоить; отдыхать, см.: Гиргас В.Ф. Арабско-русский словарь к Корану и хадисам, с. 321–322, *rūḥ* – «дух, душа; пророческий дух, божественное вдохновение, откровение, Коран» (Там же, с. 322). Слово *rūḥ* встречается в Коране 21 раз, см.: Kassis Н.Е. A concordance of the Qur'an, p. 1040–1041.

⁵ «Важность, твердость, спокойствие, успокоение, присутствие Божие, божественное наитие» (Гиргас В.Ф. Арабско-русский словарь к Корану и хадисам, с. 369). Слово *sakīnah* встречается в Коране 6 раз, см.: Kassis Н.Е. A concordance of the Qur'an, p. 1072.

приведенных выше понятие, вероятно, контекстуально близкое иудейскому термину *шхина* (*shekhinah*) – «земное проявление Божественного присутствия»¹. Концепт *сакины* и станет предметом нашего небольшого исследования.

Далее в рамках статьи мы (1) приведем коранические контексты, в которых появляется этот концепт; (2) для уточнения контекстного поля укажем случаи вхождения других форм корня *s-k-n* в Коране и (3) на конкретных примерах представим развитие концепта *сакины* в хадисной и исторической исламской литературе (на примере фундаментального труда Абу Джафара Мухаммада ат-Табари «История пророков и царей»).

§1. Коранические контексты

Итак, исследуемый концепт встречается в Коране шесть раз в трех сурах (2:248; 9:26, 40; 48:4, 18, 26). *Сакина* пребывала в ковчеге Завета, о чем Коран сообщает устами пророка Самуила: «И сказал им их пророк: “Знамение его власти в том, что придет к вам ковчег, в котором *сакина* от вашего Господа [*sakīnatun min rabbikum*] и остаток того, что оставил род Мусы и род Харуна. Несут его ангелы. Поистине, в этом – знамение для вас, если вы верующие!”» (2:248)².

Остальные пять контекстов связывают *сакину* с верующими. Так, Аллах низводит *сакину* на Мухаммада: «И низвел Аллах Свой покой на него [*fa-anzala l-lahu sakīnatahu ‘alayhi*]» (9:40), одновременно на Мухаммада и на верующих: «Низвел Аллах Свой покой на Своего посланника и на верующих

¹ Firestone R. *Shekhinah* // *Encyclopaedia of the Qur’ān* / Jane Dammen McAuliffe, General Editor. Volume 1-6. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2001. Vol. IV, p. 589–591.

² Здесь и далее аяты Корана даются в переводе по изданию: Коран. Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. Изд. 2-е. М., 1986. При переводе Корана на русский язык И.Ю. Крачковский оставляет термин без перевода или переводит как «покой».

[anzala l-lahu sakīnatahu ‘alā rasūlihi wa ‘alā l-mu‘minīna]» (9:26, та же предложение в аяте 48:26) и, наконец, непосредственно в сердца верующих: «Он узнал, что у них в сердцах, и низвел на них Свою сакину [fa ‘alima mā fī qulūbihim fa-anzala l-sakīnata ‘alayhim]» (48:18) и «Низвел сакину в сердца верующих, чтобы они увеличили веру с их верой [anzala l-sakīnata fī qulūbi l-mu‘minīna liyazdādū ‘īmānan ma ‘a ‘īmānihim]» (48:4).

Представляет интерес и контекст второго уровня — что еще может пребывать в сердце человека? Так, в аяте 48:26 *сакине* непосредственно противопоставляется ярость (*ḥamīyah*): «Вот, те, которые не веровали, поместили в своих сердцах ярость, ярость неведения [idh ja ‘ala alladhīna kafarū fī qulūbihimu l-ḥamīyata ḥamīyyata l-jāhiliyati]» (начало аята 48:26).

Также в сердце человека могут пребывать негативные содержания — болезнь (*maraḍun*, 2:10 [2]; 5:52; 8:49; 9:125; 22:53; 24:50; 33:12, 32, 60; 47:20, 29 и 74:31), злоба (*‘adghāna*, 47:29, или *ghill*, 59:10), гнев (*ghayz*, 47:29), огорчение (*ḥasrat*, 3:156), сомнение (*rayb*, 9:45, 110; 24:50), неверие (*kufr*, 2:93), наконец, совершение грехов покрывает сердце ржавчиной (*rāna*, 83:14).

С другой стороны, помимо *сакины* в сердце могут присутствовать и другие позитивные содержания: добро (*khayr*, 8:70), кротость и милосердие (*rafatan waraḥmatan*, 57:27), вера (*‘īmān*, 49:7, 14; 58:22) и, наконец, дух (*rūḥ*, 26:193-194 и 58:22)¹.

¹ Следует отметить, что из 21 случая упоминания термина «дух» (*rūḥ*) в Коране ни один не относится к духу конкретного человека.

§2. Другие формы корня s-k-n в Коране¹

sakana в разных формах, в т.ч. *'askan* — быть «неподвижным, спокойным, тихим», также «поселить, поместить» кого-л где-л. (2:35; 6:13; 7:19, 161, 189; 10:67; 14:14, 37, 45; 17:104; 23:18; 27:86; 28:58, 72–73; 30:21; 40:61; 42:33 и 65:6 [2]). У этого значения интересны контексты:

— о женах: «Он — тот, кто сотворил вас из единой души и сделал из нее супругу, чтобы успокаиваться [*liyaskuna*] у нее» (7:189) или «Он создал для вас из вас самих жен, чтобы вы жили [*litaskunū*] с ними» (30:21; здесь перевод И.Ю. Крачковского не вполне точен, дословное значение — «чтобы вы успокаивались»),

— о ночи: «Он — тот, кто создал для вас ночь, чтобы вы покоились [*litaskunū*] в ней» (10:67, то же в аятах 27:86; 28:72–73; 40:61),

— о ветре: «Если Он пожелает, успокаивает ветер [*yuskini l-rīḥa*]» (42:33)².

sakan — «упование, успокоение, покой; человек или предмет, на который полагаются; жена; жилище; милосердие, милость» (6:96; 9:103 и 16:80). Из не относящихся к жилью есть уже известное нам значение: «Он выводит утреннюю зарю и ночь делает покоем [*sakanan*]» (6:96), но есть и новое — молитва Мухаммада становится успокоением для раскаявшихся верующих: «И молись над ними, ведь твоя молитва — успокоение [*sakanun*] для них» (9:103).

sākin — «неподвижный, спокойный», приводится в Коране один раз, в уже известном контексте: «Разве ты

¹ Первичные значения приведены согласно: Гиргас В.Ф. Арабско-русский словарь к Корану и хадисам, с. 369–370. Приведены только контекстуально близкие к теме исследования аята; в иных случаях указаны первичные значения и номера аятов.

² «Ветер» (*rīḥ*) и «дух» (*rūḥ*) происходят от одного корня, т.е. ветер — это, в одном из возможных значений, также определенная священная сила.

не видишь твоего Господа, как он протянул тень? А если бы он пожелал, то сделал бы ее покойной [*sākinan*]» (25:45).

sikkīn — «нож», единожды упоминается в Коране в суре «Йусуф» (12:31)¹.

maskan — «жилище, обиталище» (9:24, 72; 14:45; 20:128; 21:13; 27:18; 28:58; 29:38; 32:26; 34:15; 46:25 и 61:12) и, соответственно, *maskūnat* — от *maskūn*, «обитаемый» (24:29).

maskanat — «смиренность, приниженность, бедность» (2:61 и 3:112) и, соответственно, *miskīn* — «смиренный, приниженный, слабый; неимущий, бедный» (2:83, 177, 184, 215; 4:8, 36; 5:89, 95; 8:41; 9:60; 17:26; 18:79; 24:22; 30:38; 58:4; 59:7; 68:24; 69:34; 74:44; 76:8; 89:18; 90:16 и 107:3).

§3. Исламская литература

В хадисной литературе² *сакина* появляется, прежде всего, в двух содержательно интересных контекстах:

1. Некий человек читал суру «Пещера» (50), совершая молитву. Находящееся дома ездовое животное чего-то испугалось и начало прыгать; когда мусульманин довел молитву до конца, он обнаружил, что его накрыл толитуман, то ли облако. Пророк Мухамад по этому поводу пояснил, что это и была *сакина*, опустившаяся на молящегося, поскольку последний читал Коран (*Сахих ал-Бухари*, №3614). В хадисе №4839 уточняется, что ездовым животным был конь (хотя описание тумана или облака, наоборот, отсутствует); хадис №5011 дает все элементы истории (с облаком); наконец, в хадисе №5018 герой истории обрета-

¹ Зулейха — впрочем, в Коране ее имя не называется; в христианской традиции — жена Потифара, дает нож неким женщинам, а когда женщины видят Йусуфа, то в экстазе от лицезрения его красоты режут себе руки.

² Здесь и далее мы даем смысловое содержание хадисов по <https://sunnah.com/>.

ет имя — Усайд бин Худайр, один из вождей йасрибского племени аус, — хотя в объяснении Мухаммада речь идет уже не о *сакине*, но о присутствии ангелов, сошедших на голос молящегося, да и читается не сура «Пещера» (50), а сура «Корова» (2). Контекст о нисхождении *сакины* в виде облака повторяется и в *Сахих Муслим* (хадисы №№1856 и 1857).

2. В день битвы у рва (627 г.) Мухаммад взывает к Аллаху, в том числе молясь о ниспослании *сакины* (№№4104, 4106, 6620 и 7236)¹. Другой хадис местом действия назначает путешествие отряда мусульман в Хайбар (629 г.) и вкладывает моление о ниспослании *сакины* в уста мусульманина и поэта 'Амира бин ал-Аква' (№4196).

Первое предание, приводимое ат-Табари², — история о том, как Аллах послал *сакину* (по контексту, некое подобное джинну существо) к Ибрахиму, чтобы показать ему, где строить Ка'абу³. *Сакина* — пишет ат-Табари, — «суть штормовой ветер с двумя головами, и одна голова следовала за другой, покуда они (Ибрахим и его сын Исмаил — П.К.) не достигли Мекки и [*сакина*] свернулась на месте Дома (т.е., будущей Ка'абы — П.К.), подобно змее»⁴. Там же ат-Табари определяет *сакину* как «ветер, имеющий дар речи»⁵.

Томом позже, при описании эпохи пророка Елисея, ат-Табари, со ссылкой на собирателя иудейских преданий йеменского авторитета Вахба бин Мунаббиха (ум. в первой половине VIII в.) и неназванных иудейских мудрецов,

¹ Коран говорит о страхе, который испытывали мусульмане в день этой битвы: «И вот взоры ваши смутились, и сердца дошли до гортани, и стали вы думать об Аллахе разные мысли» (33:10).

² Здесь и далее используется сорокотомное переводное издание: *The History of al-Ṭabarī (Ta'rikh al-rusul wa l-muluk)*. Vols. 1–40. N.–Y.: State University of New York Press, 1987–2007.

³ *The History of al-Ṭabarī...*, vol. 2, p. 69.

⁴ *The History of al-Ṭabarī...*, vol. 2, p. 70.

⁵ *Ibid.*

утверждает, что *сакина* была головой мертвого кота — когда она кричала изнутри Ковчега, израильяне уверялись в победе и побеждали¹. Немного позже, пересказывая историю Самуила, ат-Табари мельком определяет *сакину* как «чашу из золота, в которой омываются сердца пророков. Бог даровал ее Моисею и вложил в нее скрижали»².

Наконец, в шестом томе своей «Истории...» ат-Табари приводит известное предание о раскрытии груди Мухаммада ангелами³ и очищении его сердца — с интересной деталью: один из ангелов призывает *сакину*, «похожую на лицо белого кота»⁴, и помещает ее в сердце пророка.

Выводы

Итак, в Коране *сакина* предстает в двух различных контекстах — в пяти случаях (9:26, 40; 48:4, 18, 26) это неопределенная «священная сила», ассоциируемая с покоем и нисходящая на Мухаммада и верующих в преддверии, как верно указывает Реувен Файрстоун, военных действий против неверных либо в связи с напряженностью в отношениях с ними. Контекстный смысл термина — божественная помощь и доказательство подлинности пророчества Мухаммада перед лицом неверия или временных неудач, утешающее спокойствие, затем внушающее страх врагу; эта помощь приходит в форме победы в надвигающейся битве⁵ — и одно из значений *сакины* в хадисах полностью соответствует этому смыслу.

¹ The History of al-Ṭabarī..., vol. 3, p. 125-126.

² The History of al-Ṭabarī..., vol. 3, p. 131.

³ Ср.: «Разве Мы не раскрыли тебе твою грудь?» (94:1).

⁴ The History of al-Ṭabarī..., vol. 6, p. 75.

⁵ См.: Firestone R. Shekhinah // Encyclopaedia of the Qur'ān / Jane Dammen McAuliffe, General Editor. Volume 1-6. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2001. Vol. IV, p. 589-591.

В рамках этого же контекста сакина нисходит на сердце (*qalb*), понимаемое в исламе как место средоточия не только душевной, но и рациональной, и духовной жизни человека¹. Из близких коранических контекстов здесь важны три: Аллах создал для человека жену (7:189 и 30:21) и ночь (6:96; 10:67; 25:45; 27:86; 28:72–73 и 40:61), чтобы человек мог успокоиться, Аллах успокаивает ветер (42:33, т.е., концепт *сакины* оказывается связан с ветром, *rīḥ*, происходящим от того же корня, что и дух, *rūḥ*) и, третья, молитва суть успокоение [*sakanun*] для верующих (9:103).

Последнее значение, вероятно, повлияло на хадисный образ *сакины* как облака, нисходящего к молящемуся и пугающего домашних животных (прежде всего, коней) — возможно, этот образ можно связать с единственным весьма загадочным случаем коранического употребления слова «облако» (*saḥābun*), встречаемого в хадисах о *сакине*, а в Коране описывающего бессмысленность деяний неверных, которые описаны «как мрак над морской пучиной. Покрывает ее волна, над которой волна, над которой облако [*saḥābun*]» (24:40).

В одном, но весьма важном, айте (2:248) *сакина* предстает как нечто, находящееся в ковчеге Завета. Как указывает Артур Джефффри, именно это словоупотребление ставит под вопрос простой перевод *сакины* как «спокойствия» и указывает на то, что многие толкователи видели здесь специальное значение² — например, зафиксированные у ат-Табари двухголовый ветер, подобный змею и имеющий дар речи, над которым построена Ка'аба (Арент Венсинк

¹ Более подробно о содержаниях сердца (*qalb*) см.: Костылев П.Н. Коранические истоки суфийского концепта сердце (*кальб*) // Исламская мысль: традиция и современность. Религиозно-философский ежегодник / Под ред.: Р. Гайнутдин, Т. Ибрагим, Ш.Р. Кашаф и др. Т. 1. М.: Издательский дом «Медина», 2016. С. 300–349.

² См.: Jeffrey A. The Foreign Vocabulary of The Qur'ān. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 174.

утверждает здесь мифологическое значение змея как стража¹); золотая чаша, содержащая скрижали Завета; голова мертвого кота, победно завывающая из ковчега, или, наконец, лицо белого кота, внедренное ангелами в сердце Мухаммада.

Надеемся, что исследователь этого, пожалуй, самого загадочного из коранических концептов, не удовлетворится нашей статьей (впрочем, ее можно считать вводной для этой темы)² и, в поисках более глубоких ответов, обратится как к изучению бытования концепта *сакины* в средневековой арабской литературе, так и к сопоставлению *сакины* с ее иудейскими, арамейскими, мандейскими и прочими доисламскими концептуальными аналогами, каковые задачи, к сожалению, явным образом выходят за пределы авторской компетенции.

¹ См.: Wensinck A.J. The ideas of the western Semites concerning the navel of the earth // *Verhandelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam*. Vol. 17, №1 (1916); reprint, Amsterdam: J. Muller, 1917. P. 60.

² См., напр.: Goldziher I. La notion de la sakina chez les Mohametans // *Revue de l'Histoire des Religions*, vol. 27 (1893), p. 296-308; Он же. Ueber den Ausdruck sakina // *Abhandlungen zur arabischen Philologie*. Leiden: 1896. P. 177-204; Pourjavady N. The Light of Sakina in Suhrawardi's Philosophy of Illumination, p. 1-28 // [https://www.academia.edu/1400629/The_Light_of_Sakina_in_Suhrawardis_Philosophy_of_Illumination].